

СТАТЬИ

СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ ТЕМЧИН

Институт литовского языка

Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (список XVI в.) и его учебно-методические приемы

В статье обосновывается характеристика недавно обнаруженного рукописного кириллического учебника древнееврейского языка, созданного совместными усилиями православных и иудейских книжников, как учебного пособия, с методической точки зрения значительно превосходящего иные восточнославянские двуязычные справочные материалы того же времени. С этой целью подробно описаны применяемые в нем приемы, направленные на такую подачу языкового и сопутствующего текстового (религиозно-культурного) материала, которая облегчила бы его усвоение потенциальным читателем. Методическую сторону рассматриваемого памятника письменности следует признать одним из результатов еврейского вклада в его создание.

Ключевые слова: Великое княжество Литовское, кириллическая письменность, иудейско-христианские отношения, древнееврейский язык, русская мова, библейские переводы, жидовствующие.

Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка известен в единственном списке по восточнославянскому четъему сборнику форматом в 4^о третьей четверти XVI века (Москва, Российский государственный архив древних актов, собр. Ф.Ф. Мазурина (ф. 196), оп. 1, № 616). Рукопись не имеет пока печатного описания; таковое в данный момент готовится к изданию Л.В. Мошковой. Интересующий нас учебник древнееврейского языка (л. 124–130) недавно опубликован [Темчин 2012а].

Сборник был создан на белорусских землях Великого княжества Литовского (далее — ВКЛ), где бытовал в течение примерно ста лет. В 1656 году он был приобретен в Вильне Семеном Александровичем Вадбольским (о покупке сообщает маргинальная запись), происходившим от удельных князей белозерских, вместе с которым переместился в Московское государство (видимо, в Москву).

Основная структура сборника сформировалась, видимо, в Московской Руси — при московском митрополите Геронтии (1473–1489) и великом князе Иване III Васильевиче (1462–1505), именами которых завершаются входящие в сборник перечни русских митрополитов и князей. Однако учебник древнееврейского языка был создан, несомненно, в ВКЛ: его основным метаязыком является руська мова, а ветхозаветная Песнь песней цитируется по руськомовной версии Виленского ветхозаветного свода, дошедшего до нас в списке первой трети XVI века, но после 1517 г. (Вильнюс, Библиотека им. Врублевских Академии наук Литвы, F 19–262, л. 1–135). Оба текстологически взаимосвязанных памятника — Виленский ветхозаветный свод и кириллический учебник древнееврейского языка — восходят к более ранним (несохранившимся) оригиналам, предположительно созданным во второй половине XV века в Киеве под руководством местного ученого еврея Захарии бен Аарона га-Кохена [Темчин 2006; 2011], который в восточнославянском мире более известен под именем Схарии как родоначальник новгородского религиозного движения жидовствующих (1471–1504 гг.).

Рукописный учебник древнееврейского языка содержит материал троякого рода: а) библейские тексты на древнееврейском языке, записанные кириллическими буквами (Бытие 2.8, 32.27–28; Псалом 150; Песнь песней 3.4 (либо 8.2), 8.5; Исая 11.12); б) древнееврейско-руськомовный словарь с комментариями; в) фрагменты перевода трех книг Ветхого Завета (Бытие, Исая, Песнь песней) на руську мову, иллюстрирующие отдельные позиции указанного выше словарика; центральное место в этих руськомовных библейских цитатах занимает изложение основных событий жизни патриарха Иакова-Израиля.

Составители рукописного учебника продемонстрировали знание шести языков: древнееврейского, руськой мовы, церковнославянского, арамейского (который по еврейской традиции назван здесь *вавилонским*: **по вавилѡскѣй, барѣ, йно сѣъ**, л. 124 об.), греческого (**малахѣ по грѣкъ ѡнгль по рѡскѣй посолѣ** на л. 126 об. и др.) и латыни (**по латинѣхѣ, кѡсѣпѡѡѡ, войни**, л. 126 об.). При этом церковнославянский язык и руську мову они считали стилистическими разновидностями единого письменного языка, который характеризовался ими выражением **по рѡскѣй** [Темчин 2013]. Ниже будет показано, что аналогичным образом, в качестве вариантов единой лингвистической системы, ими воспринимались также различия между древнееврейским и арамейским.

Хотя основу памятника составляет двуязычный древнееврейско-руськомовный словарь, все же сам памятник, как мы увидим, не является лексикографическим пособием, обычным для восточнославянской

книжности того времени. Его учебно-методические приемы и иные особенности раскрываются ниже в отдельных разделах.

Этимология и двойное толкование (смысл и внутренняя форма)

Основу кириллического рукописного учебника составляет древнееврейско-руськомовный словарь, однако иногда дается перевод и с иных упоминаемых в данном памятнике языков: с арамейского (**по вавилѡскій, барь, йно снѣ**, л. 124 об.), греческого (**ψαλ̄ѡ рѣше пѣснь**, л. 124) и латинского (**по латинѣхѣ, коүспѡдїа, войни**, л. 126 об.).

В последних двух примерах речь идет не просто о переводе, а об *этимологии* толкуемых слов. Действительно, греч. ψαλμός ‘напряжение; звуки лиры; псалом’ было прекрасно известно православным славянам благодаря заимствованному ц.-слав. **псалъмъ** ‘псалом’. Его значение эксплицировалось уточняющим надписанием некоторых псалмов, ср.: Пс 48.1 (47.1) др.-евр. **רִמְזָה רִשׁ** = греч. ψαλμός ῥοδῆς = ц.-слав. **псалмъ пѣсни** (глаголическая Синайская псалтырь XI в.); Пс 83.1 (82.1) др.-евр. **רִמְזָה רִשׁ** = греч. ῥοδῆ ψαλμοῦ = ц.-слав. **пѣснь пѣсаломъ** (Синайская псалтырь).

В таком случае представленный в рукописном учебнике перевод **ψαλ̄ѡ рѣше пѣснь** кажется банальным, но обретает существенный смысл в реальном контексте: **ψαλ̄ѡ послѣнїи, мизл̄мѡ, рѣше вѣспѣванїе, по числѣ еврейскѡ мѣморь. р̄м̄з. по грѣческомѣ числѣ ψαλ̄ѡ рѣше пѣснь, р̄н**. Здесь указывается на взаимное расхождение еврейской и греческой традиций как в нумерации псалмов (последний псалом по отраженной здесь еврейской традиции имеет номер 147 [р̄м̄з], а в греческой — 150 [р̄н]), так и по смысловым оттенкам названий: др.-евр. **мизл̄мѡ, рѣше вѣспѣванїе** ≈ **ψαλ̄ѡ рѣше пѣснь**. Поскольку толкуемое **псалъмъ** является не греческим словом, а церковнославянским грецизмом (на его языковую принадлежность указывает славянское окончание **-ъ**, отличное от греч. -ος), то его определение в рукописном учебнике именно как *греческого* подразумевает этимологию этой лексемы.

Аналогичная ситуация наблюдается в толковании **по латинѣхѣ, коүспѡдїа, войни** (л. 126 об.). Латинское слово *custodia* ‘охрана; стража’ посредством греч. *κουστωδία* ‘стража’ (трижды употреблено в Новом Завете: Мф 27.65–66, 28.11) было заимствовано в ц.-слав. **коүстодия** ‘сторож, стража’, хорошо известное православным славянским книжникам по церковнославянскому переводу Евангелия от Матфея. Представленная в кириллическом учебнике характеристика данного слова именно как *латинского* имеет в виду не лексему как таковую (она явля-

ется одновременно латинской, греческой и славянской), а ее глубинную этимологию.

Составители рукописного учебника нередко прибегают к двойному толкованию древнееврейского слова, которое сначала переводится “на греческий” и лишь затем на славянский. В шести случаях данный прием применен с эксплицитным обозначением языка-посредника: **по вавилѠскій, барѠ, ѡно снѠ, по ѡврейскій, ѡна, ѡно голѡубѠ; ѡ по грѣческій вариѠна по рѡукій снѠ голѡуби** (л. 124 об.–125); **ѡрѡушлай, вѠласть многа, ѡли тако ѡрѡулай по грѣкѡи, ѡѡрѡмѠ. поѠкѠ, видѠниѡ мира, ѡли покоѡ** (л. 125); **по ѡврейскій; ѡгошѡу мешиѡ. по ѡнѡ же ѡвреѡ пѡна закѡ ѡѡсѡу месѡиѡ, по грѣкѡ же ѡсѡу хѡ, по рѡукій, спѡипѡ помазанѡникѠ** (л. 126); **ѡдамѡ снѠ, шепѠ. по грѣкѡи сѡ, по рѡукій полѡнѡиѡ** (там же); **гевѡ по грѣкѡ ѡвель сѠказаѡтѠ сѡ, гевѡ, лѡшѡиѡ** (там же); **малахѠ по грѣкѡ ѡнѠглѠ по рѡукій посѡлѠ** (л. 126 об.).

Из приведенных примеров видно, что явное указание на *греческий язык* имеет в виду не реальную языковую принадлежность, а этимологическую характеристику славянских грецизмов. Так, определение **по грѣкѡ же ѡсѡу хѡ** содержит славянскую несклоняемую форму греческого происхождения (ц.-слав. **ѡсѡу** ≠ греч. Ἰησοῦς), известную по церковнославянским текстам древнейшего периода [Moszyński 1963; Темчин 1994]. Аналогичным образом в объяснении **по грѣкѡ ѡнѠглѠ** морфология последнего слова ясно указывает, что это не греческая лексема, а церковнославянский грецизм. Здесь опять виден этимологический подход.

Следовательно, вопреки ожиданиям, за определением **по грѣческій** (**по грѣкѡи**), **по грѣкѡ** скрывается не греческий язык как таковой, а этимологическая характеристика славянских (исходно церковнославянских, но по употреблению также русскокомовных) слов. Смысл двойного перевода с древнееврейского сначала на “греческий” (в реальности же на славянский грецизм), а затем **по рѡукій** (в реальности на церковнославянский язык и/или руську мову) вполне ясен: сначала посредством стандартного славянского соответствия указывается *смысл* толкуемого семитского слова или имени, а затем славянскими же языковыми средствами раскрывается его *внутренняя форма*.

Еще четыре раза описанный выше прием двойного толкования применен имплицитно, без явного указания на “греческий” как промежуточный язык-посредник (источник славянских грецизмов): **по ѡврейскій, ѡшаѡа, ѡсаѡа, поклѡ** (л. 124 об.); **шломѠ, солѠмѡ, мирѠ ѡ** (там же); **пара фараѠ, праѡѡнѠ** (л. 125); **мишьрай, ѡгипетѠ; поѠкѡетѠ сѡ тѡуга, ѡли глаѡ** (л. 125–125 об.); **малахимѠ, ѡнѠгли, сирѡ послѡ** (л. 129 об.).

Наконец, иногда смысл и внутренняя форма древнееврейского слова раскрываются собственно славянскими языковыми средствами, без обращения к очевидным грецизмам: **когелосѣ, црѣковѣ, рѣше, сѣбѣраніѣ** (л. 126 об.–127); **члѣкъ ддѣ; рѣше, земѣнѣ** (л. 129–129 об.). Хотя слово *церковь* является в своих истоках греческим словом, попавшим к славянам через германское посредство [Фасмер 1986–1987, т. 4, с. 300], вряд ли это обстоятельство было известно книжникам XV–XVI веков. В одном случае перевод и внутренняя форма толкуемого слова приведены не подряд, а разделены иным словарным материалом: **ѣдѣ, римѣ <...> ѣдѣ, рѣше, чѣмныи** (л. 129 об.); ср. также: **ѣдомѣ, рѣше, чѣмныи <...> исавѣ, ѣдѣ, рѣше волосѣ чѣмѣ** (л. 130).

Метод двойного толкования (смысла и внутренней формы слова) используется в рукописном учебнике вполне регулярно — он применен в общей сложности 14 раз.

Итак, за упоминаниями греческого и латинского языков в действительности скрываются указания на греческое и латинское происхождение славянских слов (нескольких грецизмов и одного латинизма). Следовательно, указанные языки интересовали составителей рукописного учебника древнееврейского языка не сами по себе, а лишь ввиду их способности объяснить лексические особенности церковнославянского перевода Священного Писания (Ветхого и Нового Завета). При толковании семитских слов (древнееврейских и одного арамейского) составители нередко стремились раскрыть как их смысл (обычно посредством указания на славянский эквивалент, часто грецизм), так и внутреннюю форму.

Раскрытие полисемии (преимущественно имен и апеллятивов)

Некоторые древнееврейские слова появляются в рукописном учебнике дважды — в различных контекстах, которые указывают на наличие у них *разных значений*. Таким образом толкуются личные имена *Адам*, *Сара* и *Израиль* и соответствующие им апеллятивы, обозначающие ‘человек’, ‘госпожа’ и ‘израильский народ’, ср. серию личных имен (**ѣдама, зѣла, ддѣ. зѣленѣ, да, соу, члѣ, бжій; ѣ оукоупѣ рещи, ддѣлѣ, соу бжій, аврага, оцѣ мноѣска, сара пани сара пани велии сирѣ, всѣ бѣша, йсакимѣ, поставлѣнѣ, ханна, помилованѣ**, л. 125) и библейское повествование о вторичном имянаращении (**важомѣ лѣ ѣковѣ, чѣмерѣ ѣдѣ шйха, ки йѣ, йсраѣлѣ; тѣ й рѣ, не ѣковѣ бѣдѣлѣ рѣнѣ ѣще ймѣ твое, нѣ тѣмо мѣужѣ бѣ**, л. 128 об.) с представленной ниже серией нарицательных имен (**мѣужѣ йшѣ, жена йша члѣкъ ддѣ; рѣше, земѣнѣ, земла, ѣдама, нѣсо, шамай, свѣзѣ, кохавѣлѣ, лѣуна, лѣана**,

мѣць, ходишь, ѿгнь ѣшь, вода, майъ, река, нагаръ, рекы нагарѣ, попоѣ, нахѣ, или маѣ, попоки, нахѣ <...> малахимъ, англи, сирѣ послы, сара, пани, саръ, пѣ, ѣсраѣ, боѣриѣ бѣжи или тако събоѣриѣ съ англиѣ бѣжиимъ л. 129–129 об.). Это двойное толкование (в различных контекстах) демонстрирует способность некоторых древнееврейских слов употребляться в разных значениях, точнее — в разных языковых функциях: имени собственного и нарицательного.

Поскольку имя нарицательное может рассматриваться в качестве внутренней формы соответствующего имени собственного (которое, как известно, значением не обладает), эти случаи по сути близки рассмотренным в предыдущем разделе примерам двойного толкования (смысла и внутренней формы) личных имен и топонимов. Те примеры тоже демонстрируют двузначность древнееврейских слов и грамматических форм, ср. шоломѣ, солсолмѣ, миръ ѣ, где сначала указан смысл (имя собственное), а затем — соответствующее значение (его апеллятив, представляющий собой грамматическую форму имени нарицательного). Такого рода полисемия неоднократно эксплицируется в рукописном учебнике древнееврейского языка.

Однажды в разных местах кириллического учебника подразумеваются различные значения одного и того же имени нарицательного, но это заметно лишь по окружающему контексту (соседним толкуемым словам). Так, др.-евр. מַלְאָכִים сначала толкуется в смысле ‘ангел’ в составе тематической группы слов, связанной с бесплотными силами (микѣ, ѿполѣ, йлъ, бѣгъ, по грѣкѣ михай, рѣше ѿполѣ бѣ малахъ по грѣкѣ англи по рѣкѣ посолъ <...> габриѣ, мѣѣкѣ, бѣжиѣ, л. 126 об.), а затем в значении ‘посланец’ среди социальных терминов господства и подчинения (малахимъ, англи, сирѣ послы, сара, пани, саръ, пѣ, ѣсраѣ, боѣриѣ бѣжи или тако събоѣриѣ съ англиѣ бѣжиимъ, л. 129 об.). Нас не должно смущать, что здесь оба раза представлено одинаковое толкование: малахъ по грѣкѣ англи по рѣкѣ посолъ (л. 126 об.) и малахимъ, англи, сирѣ послы (л. 129 об.), поскольку контекст разных тематических групп (подробнее ниже) подсказывает, что в первом случае актуальным является “греческий”, а во втором — “русский” элемент толкования. При этом в первом контексте сначала толкуется смысл слова (малахъ по грѣкѣ англи), а затем раскрывается его внутренняя форма (по рѣкѣ посолъ). Во втором же контексте следует видеть одновременное раскрытие двух значений древнееврейского слова (малахимъ, англи, сирѣ послы).

Составители учебника, несомненно, осознавали, что одно и то же слово (а одним словом считалась также совокупность омонимов) может

иметь разные значения. Так, в толковании **יְרוּשָׁלַיִם**, **в'ласть многа**, **или тако ирбулай по грѣкѣи, иерлмъ. покъ, видѣние мира, или покоя** (л. 125) последнее уточнение сделано для того, чтобы отделить **миръ**₁ 'покой' от **миръ**₂ 'вселенная', ведь иначе предлагаемая дефиниция была бы семантически амбивалентной.

От всех этих случаев следует отличать формальное повторение одного и того же толкования (**עֵדוּת**, **рѣше, чѣмный** на л. 129 об. и **עֵדוּת**, **рѣше, чѣмный** <...> **יְסַבֵּב**, **עֵדוּת**, **рѣше волоса чѣмъ** на л. 130), в том числе обусловленное тем, что иногда личное имя (**יְסַחָרָר**, **наемъ, да, соу, гадъ, полкъ**, л. 129) может выступать в качестве компонента составного имени (**דָּא, соу, тль, бжйи; עֵדוּת** рещи, **דָּא, соу, бжйи**, л. 125).

Синонимические толкования и дублетные переводы

В рукописном учебнике встречаются синонимические (и близкие к ним) толкования отдельных древнееврейских слов либо фрагментов библейского текста: **אֲבָדוֹת** **погибель, рѣше, д'но преисп'неет** (л. 126); **כִּי סָרִיסָא יִמַּעַל עִלְוִימִלְּךָ**; **תֹּד, и възмогъ еси съ богомъ; ины тд, иво б'ордъ с'а еси съ богъ** (л. 128 об.); **בַּיְסָאנָא**, **подоймѣ, или възмѣтъ** (л. 129). Иногда семантически близкие толкования представлены в разных местах учебника: **תֹּד, бжйи** (л. 125); **יִלְּךָ, бгъ** (л. 126 об.). Обращает на себя внимание три толкования имени Израиль: **בְּאֵמֶת לִשׁוֹן יִצְחָק**, **т'амеръ ш'а шйха, ки йл, и'раелъ; тд и рѣ, не йаковъ б'удѣтъ р'енс'о еше йм'а пвое, но т'омо м'оужѣ бгъ** (л. 128 об.); **עֵסְרָא, боарй бжйи** **или тако събоарй съ анг'л'о бжйимъ** (л. 129 об.).

От этих примеров следует отличать передачу одного и того же значения средствами двух языков — церковнославянского и русской мовы (которая в 4-х случаях из 5-и выступает на первом месте): л. 125 **с'ра пани велий** (ц.-слав.) **сирѣ, вѣт б'шаа** (руська мова); л. 129 **левйи, пригром'адѣние** (руська мова), **рѣше, с'вокоуп'ление** (ц.-слав.); л. 129 **йз'воулс', быт'ание** (руська мова), **рѣше, бытиѣ** (ц.-слав.).

Дважды оба описанных выше приема комбинируются: двуязычные толкования одного и того же древнееврейского слова не тождественны по смыслу: л. 124 об. **דָּבָר, любовь** (руська мова), **или възлюб'ленный** (ц.-слав.); л. 126 **יְעִדֵנִי כֹחַ** (руська мова) **рѣше, пища** (ц.-слав.). Следовательно, выражение значения одного и того же толкуемого слова сразу на двух языках (на русской мове и по-церковнославянски) не воспринималось составителями рукописного учебника как тавтология, а предлагаемые толкования — как вполне синонимические. Видимо, во всех случаях между разноязычными толкованиями предполагалось на-

личие некоторых различий, смысловых либо стилистических. Это не противоречит сделанному ранее выводу о том, что церковнославянский язык и руська мова воспринимались составителями рассматриваемого рукописного учебника в качестве стилистических разновидностей одного и того же письменного языка, характеризуемого ими выражением **по рѣукѣи** [Темчин 2013].

К синонимичным толкованиям отдельных слов типологически близки дублетные (двойные или даже тройные и четверные) переводы на руську мову одного и того же древнееврейского библейского текста, представленные в разных местах рукописного учебника:

Быт 25.25. **и вѣше ѿ прѣвѣи черѣмѣнѣ весь ѿ; како то; гоуна волосатаѣ, и возвали ѿма ѣ ѿсавѣ** (л. 127) = 25. **ѿзо юпробѣи мѣре вѣшѣ прѣвѣе чрѣмѣнѣ весь, ѿ гоуна волосатаѣ. и прозвали ѿма ѣ, ѿсавѣ рѣше, вѣлосатѣ** (л. 129 об.–130);

Быт 32.27–28: 27. **и рекѣ къ немѣу, како ѿма тобѣ, и рѣ ѿковѣ, 28. и рекѣ, не ѿковѣ бѣудѣи рѣнѣ ѿма твоѣ ѣще; але, исраѣ; ѿ сѣпанѣва ѣси на аѣглѣ, а поготовѣмѣ мѣужевѣ ѿзможешѣ** (л. 128) = 27. **и рекѣ ѣмѣу, како ѿма тобѣ <...> и рѣ ѿковѣ <...> 28. и рѣ, не ѿковѣ бѣудѣи рѣнѣ ѣще ѿма твоѣ, но пѣмо мѣужѣ бѣѣ <...> ѿ вѣзмоглѣ ѣси сѣ богѣмѣ; **ѿны пѣ**, ѿбо бѣрѣ сѣ ѣси сѣ богѣ <...> на пѣ мѣужевѣ ѿзможешѣ <...> ѿ вѣмоглѣ ѣси брапѣи сѣ бѣѣ** (л. 128–128 об.); ср.: 28. <...> **сѣвѣарѣи сѣ аѣглѣ бѣѣимѣ** (л. 129 об.).

К этим двум примерам с известной долей условности можно добавить третий:

Быт 25.29–30: 29. **ѿдѣ бо ѿсавѣ сѣчивицѣу черѣнѣу 30. ѣ бо рѣ прозѣва сѣ ѣдѣ, рѣше, чѣмнѣи** (л. 129 об.) ≈ 29. **и бѣ неколико ѿсавѣ голодѣнѣ, ѿковѣ же ѿдаше сѣчивицѣ чернѣ, 30. и рѣ ѿсавѣ къ ѿковѣу, накѣми мѣ аѣѣѣ, рѣше в сѣи чѣ ѿ ѣ черѣмнѣ, чѣмнѣ ѿ мене, ѿбѣ трѣдѣ ѣзѣ; пѣ дѣла вѣзѣвано ѿма ѣ ѣдѣмѣ, рѣше, чѣмнѣи** (л. 130).

Наличие дублетных переводов объясняется, видимо, тем, что с их помощью переводчик стремился как можно точнее передать оттенки смысла и/или многозначность исходного древнееврейского текста, ускользающие при простом (одинарном) переводе. Преднамеренность повторного перевода демонстрирует выражение **ѿны пѣ** в одной из руськомовных версий библейского стиха Быт. 32.27 (см. выше).

Явления, более или менее подобные описанным в данном разделе, встречаются также в иных переводах XV века, выполненных в ВКЛ непосредственно с древнееврейского языка и традиционно ассоциируемых с восточнославянским движением жидовствующих. Эти явления получили свое объяснение: “Существуют даже косвенные свидетель-

ства, что переводы могли создаваться в сотрудничестве двух переводчиков, принадлежавших к разным конфессиям. Метод их работы мог быть основан на диктовке или декламации текста, часто в нескольких редакциях. Еврей-переводчик мог устно пословно перелагать текст на разговорный восточнославянский язык. После этого древнерусский переводчик записывал получившийся текст, обычно в соответствии с исходным его толкованием, но иногда он не останавливался на этом и приближал свое произведение к славянской литературной норме. Об использовании подобного метода при переводе свидетельствуют повторы не только слов, но и целых предложений и частей предложений, которые следует понимать не иначе как исправления, вносившиеся переводчиком в процессе работы” [Таубе 2010, 385].

Так же могут объясняться и синонимические толкования рукописного учебника, сначала выраженные на русской мове, а затем поцерковнославянски. Не исключено, что это объяснение применимо также к тем дефинициям одного и того же древнееврейского слова, которые выполнены на разных языках, но не тождественны по смыслу.

Однако если оба из более или менее синонимических толкований либо дублетных переводов выполнены на одном и том же языке (русской мове), их следует отнести на счет диктующего еврейского переводчика (которой поправил собственный перевод либо предложил альтернативный), а не записывающего славянского писца: последний, не зная смысла исходного семитского слова или фрагмента текста, не был способен корректировать предлагаемый ему перевод в иных отношениях, кроме чисто языкового. Диктующий же переводчик мог не только поправить предложенный им самим первоначальный перевод, но и намеренно предложить сразу несколько переводческих решений, которые в своей совокупности передавали бы разные оттенки смысла и/или многозначность древнееврейского текста. Видимо, именно так следует интерпретировать пример дублетного русскомоного перевода, приводимый М. Таубе [Taube 2005, 191].

Альтернативные толкования и ссылки на источники

Иногда рукописный учебник дает альтернативные (несинонимические) толкования одного и того же древнееврейского слова, и во всех случаях это — имя собственное (топоним и/или личное имя): **йрбушьлай, в’ласть многа, йли тако йрбулай по грѣкѣи, йерѣмъ. поѣкъ, видѣниѣ мира, йли покоѣ** (л. 125); **мицьрай, египетѣ; поѣкъетѣ сѣа тѣуга, йли глаѣ** (л. 125–125 об.); **наѣпа, просьба, йли премѣнѣ** (л. 129); **ѣковѣ, лѣстѣ, йли, пѣта** (л. 129 об.), причем в одном месте приводится экс-

плицитная ссылка на разные источники альтернативных переводов-толкований: **אַלְמָא מוֹלְצָא** <...> **יְנִיִּי זֶה עִבְרִי תּוֹכוֹתָי, אַלְמָא, דְּבִצָּא** (л. 125 об.)¹.

В ином месте дается ссылка на источники разных произносительных норм толкуемых древнееврейских слов: **по евре́йскѣи; ѣгошѣу мешѣѣ. по ѣнѣи же евре́еѣ пона́ зако́у иѣсѣу месѣѣ, по грѣкѣ же ѣсѣу хѣ, по роу́кѣи, спсѣмѣ помазанѣникѣ** (л. 126).

Эти глухие ссылки позволяют утверждать, что составители рукописного учебника древнееврейского языка осознавали наличие *полного* и *неполного* (караимского или связанного с частичным прозелитизмом?) иудейского Закона, были знакомы с различными раввинистическими традициями и по крайней мере с двумя альтернативными (региональными) системами произношения древнееврейского языка.

Подробность лексикографической разработки

В рукописном учебнике многие семитские слова переведены одной славянской лексемой, как это обычно делалось в древнерусских двязычных лексиконах (азбуковниках). Но в отличие от последних, в нашем памятнике иногда встречаются развернутые определения: **по евре́йскѣи, каѣторѣ; рѣше, на врѣхѣу лѣствицѣи въсходѣць прѣ двѣрьми сѣньными** (л. 125 об.); **циѣнѣ, знамѣ на поѣли, чѣто по́кнѣ** (л. 129). Сюда же следует отнести толкование **ѣбилѣе, пожитѣ всеѣ добѣра зѣна́ пло́да** (125 об.) к др.-евр. **אֲרֻצָּה** ‘хороший урожай; сытость; обилие’, механически пропущенному в дошедшем до нас списке рукописного учебника (о чем ниже).

На первый взгляд в толковании **равѣ, ѣучѣплѣ велѣи** (л. 125) можно усмотреть попытку передачи полисемии. Дело в том, что наряду с др.-евр. **רַבֿ** ‘учитель; раввин’ существует омоним со значением ‘многий; многочисленный; великий, важный’. В связи с этим приведенное выше толкование можно понимать двояко: а) ‘великий учитель’; б) ‘учитель; великий’. Во втором случае следовало бы признать явное отражение многозначности толкуемого слова, что, однако, не слишком вероятно ввиду отсутствия союза либо иного пояснения между обеими словами дефиниции, ср. единственный пример передачи полисемии толкуемого слова в рассматриваемом памятнике: **малаѣхимѣ, ѣнѣгли, сирѣ послѣи** (л. 129 об.). Поэтому более правдоподобна первая из возможных интерпретаций (‘великий учитель’), которая имплицитно предполагает существование в языке соотносимого слова со значением ‘(обычный) учитель’. Таковым можно считать др.-евр. **מוֹרֵךְ** ‘учитель, преподаватель; воспитатель’ — это слово отсутствует в рукописном учебнике древнеев-

рейского языка, но его наличие в описываемой языковой системе предполагается толкованием слова **равъ** именно как ‘великий учитель’, а не просто ‘учитель’, как это сделано, например, в церковнославянском Евангелии (вслед за греческим оригиналом), ср.: Ин 1.38 **она же рѣсте емоу равви. еже глѣтъ са съказанемо оучителю** — глаголическое Мариинское евангелие XI века и многие иные списки [Алексеев 1998, 6].

Аналогией к имплицитному семантическому противопоставлению по признаку *великий/обычный* является демонстрируемая рукописным учебником антитеза старой и новой формы имени Сары/Сарры, жены Авраама: **сара пани сѣра пани велии́ сирѣ, вѣѣ бѣшаи́** (л. 125), ср. также **сара, пани, саръ, па́** (л. 129 об.). Обстоятельства возникновения нового имени изложены в Библии (Быт 17.15: И сказал Бог Аврааму: Сару, жену твою, не называй Сарою [רַרְרָא ‘моя госпожа’], но да будет имя ей: Сарра [רַרְרָא ‘госпожа’]). Устранение в древнееврейском имени местоименного суффикса притяжательности 1 л. ед. ч. передано в греческом посредством удвоения второго согласного, что позже перешло в славянскую традицию, и именно в такой (греческой по происхождению) форме оба имени представлены в рукописном учебнике (**сара** и **сѣра**). При этом изменение формы имени объяснено семантическим изменением через усиление исходного значения (**пани** и **пани велии́ сирѣ, вѣѣ бѣшаи́**). Изложенное здесь понимание восходит к крупнейшему иудейскому комментатору Раши (1040–1105): “**Не называй Сарою (Сарай)** — что звучит как ‘моя госпожа’ — моя, но не других. **Сарра** — ее имя означает более общее понятие, так как она будет госпожей над всеми” [КБК, 232], а через него — к Талмуду (Берахот 1.12): “прежде она была госпожей (*sarai*) над ее племенем, а теперь станет госпожей (*sarra*) над всеми племенами” [Переферкович 1902, 5].

Таким образом, взаимное семантическое противопоставление **сара пани** и **сѣра пани велии́ сирѣ, вѣѣ бѣшаи́** делает вполне вероятным интерпретацию толкования **равъ, оучѣплъ вели́и** как ‘великий учитель’ (в имплицитном противопоставлении к др.-евр. רַרְרָא ‘учитель’). Эту дефиницию следует признать семантически точной и нетривиальной.

Некоторые словарные статьи рукописного учебника имеют довольно сложную структуру, например: **по ѳврѣскѣи оулѣ, молѡудѣ, ѡлма молѡца́**; **нахѡтъ бо сѡ въ к’нигахъ писанѡ ш’то шаѡу** [на полях: сѡѡу] **звѡ дѣѡ оулѣѣ; пакѡи писанѡ ѣ сѣ, ѡлма зѡнѣ и порѡтъ сѣѡ; и бѡудѣѣ въз’ванѡ йма ѣ йманѡуылъ, ѣ ѣ с наѡи бгѣ, йнѣи же ѳврѣтѣи поѡкѡуѣ, ѡлма, дѣѡа** (л. 125 об.). Содержание этой словарной дефиниции таково: 1) перевод на славянский двух семитских слов **оулѣ** и **ѡлма**, представляющих собой взаимно соотносимые существительные

мужского и женского рода соответственно; 2) ветхозаветная ссылка на то, что Саул звал Давида **оулѣ** (стих 1 Цар 17.56, содержащийся в масоретской версии, но отсутствующий в Септуагинте и, следовательно, неизвестный православным славянским книжникам); 3) новозаветная цитата стиха Мф 1.23, в свою очередь воспроизводящего (в несколько расширенном виде) ветхозаветный стих Ис 7.14, древнееврейский текст которого содержит толкуемое **ѧлѣма**; 4) указание на альтернативное еврейское толкование последнего слова (совпадающее с христианским)¹.

Как видим, в некоторых случаях кириллический учебник демонстрирует действительно высокий (по средневековым представлениям) уровень лексикографической разработки толкуемого словарного материала.

Текстовой комментарий

Важной особенностью рукописного учебника древнееврейского языка является использование в нем текстового комментария, призванного путем цитирования отдельных мест Священного Писания либо отсылок к ним облегчить потенциальному читателю усвоение излагаемого языкового материала.

Так, цитированное выше толкование др.-евр. **לַחֲוֹלָה** ‘девушка, девица; молодая женщина; (редко) девственница’ содержит одну отсылку к библейскому стиху **נֹחַ אָמַר בּוֹ סֵא בְּכִנְיֹתָי כִּי כָתוּב בְּסֵפֶר מִצְוֹתַי שֶׁאֵין לַחֲוֹלָה בְּעֵלְמָהּ** [на полях: **סֵא בְּעֵלְמָהּ**] **זְכָר דְּבָרָה אֲחֵרָה** (см. 1 Цар 17.56) и одну новозаветную цитату Мф 1.23 (**כִּי כָתוּב עֵלְמָהּ אֲחֵרָה וְנֹחַ אָמַר בּוֹ סֵא בְּכִנְיֹתָי כִּי כָתוּב בְּסֵפֶר מִצְוֹתַי שֶׁאֵין לַחֲוֹלָה בְּעֵלְמָהּ**), в свою очередь воспроизводящую (в расширенном виде) ветхозаветный стих Ис 7.14. Здесь оба раза имеются в виду конкретные места Священного Писания (Ветхого и Нового Завета соответственно), с которыми связаны толкуемые древнееврейские слова.

Вот иные случаи использования библейского текста в качестве комментария, иногда весьма пространного, к излагаемому языковому материалу (библейские цитаты выделены):

л. 126 **אָדָם אֶחָד מֵהֶם, שֶׁפָּקַדוֹ הָיָה, כִּי הָיָה בְּעֵלְמָהּ, רַחֵם אֱלֹהִים, וְשֵׁם הַבְּעֵלְמָהּ הָיָה מִצְוֹתַי** (Быт 4.25); эта цитата эксплицирует предлагаемую Библией этимологию имени *Сиф* посредством глагольной формы *положил* (Быт 4.25 ... и она родила сына, и нарекла ему имя: Сиф [лш], потому что Бог положил мне [лш] другое семя...); библейский текст не уточняет, кому именно — Адаму или Еве — принадлежат слова *положил мне*; в Септуагинте они приписаны Еве, что эксплицировано причастием

женского рода λέγουσα ‘до сл. говорящая’ (не имеющим соответствия в масоретском тексте); но рукописный учебник усваивает произнесенные слова Адаму (רֵא בְּעַד אָדָם), подобно некоторым иудейским памятникам (например, Aguch Lenar al Massehet Yevamot, 6.62); о сравнительной древности этой традиции свидетельствует ее отражение в трудах Августина Гиппонского († 430): „Когда родился Сиф, Адам по Божественному внушению вполне мог сказать: *Бог положил мне другое семя, вместо Авеля, которого убил Каин*“ (О граде Божиим, 15.15)²;

л. 126 об.–127 **когелосъ, црковъ, рѣше, сѣб’раніе, сѣицъ бо и гѣ ншъ іс хъ къ жидѣмъ глше, не по всѣмъ ли дни бѣ сѣ вами въ цркви оуча ва и дѣ вси люде сѣбираютъ** (контаминация параллельных стихов Мк 14.49 и Ин 18.20)³; евангельская цитата поясняет перевод и раскрытие внутренней формы др.-евр. לְהַקֵּי, которое ввиду представленного в рукописном учебнике смысла и внутренней формы (**црковъ, рѣше, сѣб’раніе**) должно пониматься не как др.-евр. לְהַקֵּי ‘Когелет, Екклесиаст (собиратель или проповедник; также название ветхозаветной книги)’⁴, а как форма определяемого слова (нисмах) לְהַקֵּי в сопряженном сочетании имен (смихут, status constructus), что в изолированном положении звучит как לְהַקֵּי ‘собрание’ [Gesenius 1906, 875]; при этом нисмах לְהַקֵּי представлен в масоретской версии лишь однажды — в сочетании בְּקִרְיַת לְהַקֵּי ‘общество Иакова’ (Втор 33.4 Закон дал нам Моисей, наследие обществу Иакова); особые (смихутные) формы определяемого слова (нисмах) в составе сопряженного сочетания имен встречаются также в иных местах рукописного учебника: **попѣ, наха, или маѣ, попокы, нахлѣ** (л. 129 об.), где последнее слово приведено не в изолированной, а в смихутной форме множественного числа;

л. 127–128 **ѣлъ безъ сѣ ими, къ домъ мѣри моѣ. и ѣлъ хедѣръ, гораси; и къ коморѣ заплѣница моѣ; ѿ бытиа ѿ ревецъ; ревецѣ испѣниша дниє рѣва єи; а то ли б’лиз’нецы въ чревѣ єи. и вышѣ прѣвѣи черемѣнь весь ѿ; како то; гѣуна волосапаѣ, и воз’вали имѣ є и савъ; а попѣ вышѣлъ бра єгѣ; а рѣка є оуѣла сѣ за пѣпѣу и сав’лю; и въз’вали имѣ є іаковъ; и рѣ ісѣ, въ правѣу нарѣ сѣ имѣ ємоу, іаковъ, ѿбольсти бо ма в’торицѣю, прѣвеньчество бо моє взѣпъ; и нѣ въз’ блгвеніє моє и послѣлъ іаковъ послѣ прѣ нѣ, къ ісавѣу братѣу є, до земли сѣиръ полѣ єдѣскагѣ, и въз’ста в’ нѣчи той, и въз’ дѣѣ женѣ є, и дѣѣ рѣбѣ є, и дѣ. дѣтѣи є, и перѣвезъ сѣ на перѣвозѣ іавѣкѣ; и въз’ и и перѣвѣ ихъ чрѣсѣ**

рекóу, и̂ пере́везлѣ всѣ̀ што̀ бѣ̀ло̀ оу̀ не̂, и̂ ѡспá сá̂ iáкó̂ ѣ̀дѣ̀; и̂ борó сá̂ мóу с нѣ̀, дá̀ до̀ в'з'ыдѣ̀ннѣ̀ зóри, и̂ видѣ̀ тó̂ и̂ нѐ могъ с не̂, и̂ ранѣ̀ е́го̀ в' чашькóу̀ колѣ̀на̀ ѣ̀, и̂ в'з'дóвала̀ сá̂ чá̀ка̀ колѣ̀на̀ iáков'ла̀ вѣ̀ боронѣ̀и̂ ѣ̀ с нѣ̀; и̂ рек'лѣ̀, по́успи менѐ и̂жѣ̀ оу̀зoшла̀ ѣ̀ зорá; и̂ реклѣ̀, нѐ п'щ'ь тебѣ̀ алѣ̀ блáгвишь мá; и̂ реклѣ̀ кѣ̀ немóу, какѣ̀ и̂мá̀ тебѣ̀, и̂ рѣ̀ iáковѣ̀, и̂ рекó̂, нѐ iáковѣ̀ бóудѣ̀лѣ̀ рѣ̀нó̂ и̂мá̀ твоѣ̀ е́ще; алѣ̀, и́с'раѣ̀; и̂ сѣ̀панóвá̀ е́сѣ̀ нá̀ а̀н'г'лó̂, а̀ погoтoвому̀ мóужевѣ̀ и́з'можешь, и̂ просилѣ̀ iáковѣ̀, и̂ рекó̂ поведá̀и̂ нѣ̀тѣ̀ и̂мá̀ твоѣ̀, и̂ рекó̂, чeмóу̀ сá̂ прохáѣ̀ши и̂мѣ̀ни мoѣ̀, и̂ блáгви̂ ѣ̀ тaмó̂ (Быт 25.24–26; 27.36; 32.3, 22–29); здесь обширная ветхозаветная цитата комментирует толкуемый библейский стих (Пес 3.4 либо 8.2 ... в дом матери моей и во внутренние комнаты родительницы моей), поясняя, что под матерью-родительницей разумеется Ревекка, жена Исаака, мать Исава и Иакова, который позже был наречен Израилем;

л. 129 в'исана, подоимѣ̀, и̂ли в'з'мѣ̀тъ; несѣ̀ лагоимѣ̀, знамá̂ вѣ̀ iáз'ыкы̀, цио̀нѣ̀, знамá̂ на̀ пòли, ч'тò пòкнѣ̀ (Ис 11.12); это единственный случай, когда библейская цитата предваряет комментируемое слово; здесь выражается мысль, что Сион — это и есть то знамя, которое, по пророчеству, будет поднято язычникам (Ис 11.12 И поднимет знамя язычникам, и соберет изгнанников Израиля, и рассеянных Иудеев созовет от четырех концов земли);

л. 129 об.–130 iáковѣ̀, леспѣ̀, и̂ли, пá̀та, iсавѣ̀, рѣ̀ше, волосá̂; iáдѣ̀ бó̂ iсавѣ̀ сѣ̀чивицо́у̀ чер'но́у̀ сѣ̀ бò рá̀ проз'ва̀ сá̂ ѣ̀дó̂, рѣ̀ше, чѣ̀мнѣ̀и̂, и̂бо̀ и́зо̀ ю̀тровѣ̀и̂ мѣ̀рѐ в'ышó̂ пр'вевѣ̀ чр'ьмѣ̀нѣ̀ весь, iá̀ гóунá̀ волóсапá̀и̂. и̂ проз'валѝ и̂мá̀ ѣ̀, iсавѣ̀, рѣ̀ше, в'лосапѣ̀; и̂ бѣ̀ неко́лико̀ iсавѣ̀ голодѣ̀нѣ̀, iáков' жѐ iáдáшѐ сѣ̀чивицѣ̀ чернѣ̀, и̂ рѣ̀ iсавѣ̀ кѣ̀ iáковóу̀, накóми мá̀ а̀п'ѡ́, рѣ̀ше в сѣ̀и̂ чá̀ ѡ̀ сѣ̀ чер'ьм'нá̀, чѣ̀мнá̀ и̂ менѐ, и̂бó̀ проудѣ̀ iáз'к; тó̂ д'ѣ̀лá̀ в'з'вано̀ и̂мá̀ ѣ̀ ѣ̀ломѣ̀, рѣ̀ше, чѣ̀мнѣ̀и̂ ѡ̀б'разó̂ тѣ̀ла̀ чр'ьмнá̀. и̂ iáдѣ̀ннá̀ рá̀ сѣ̀чевицѣ̀ ч'р'ьмнѣ̀и̂; и̂ ѣ̀ со́угóубó̂ и̂мá̀ ѣ̀ iсавѣ̀, ѣ̀дó̂, рѣ̀ше волосá̂ чѣ̀мѣ̀ (Быт 25.29–30, 25, 29–30); эта цитата объясняет толкование имени Исава, прозванного также Едомом.

Как видим, в комментариях к словарным статьям активно цитируется Ветхий завет, а точнее — Книга Бытия и Книга пророка Исаяи (одна отсылка и четыре цитаты, две из которых весьма пространны), тогда как Новый Завет (Евангелие) используется лишь дважды, причем в одном случае цитируемый евангельский стих Мф 1.23 сам содержит ветхозаветную цитату Ис 7.14. Единственная ссылка имеет в виду ветхозаветный стих 1 Цар 17.56.

Библейские цитаты и отсылки обычно вводятся краткими пояснениями (кроме последнего примера, сопровождаемого обобщающим заключением): *нахъѡтъь бо сѧ въ к'нигахъ писанѡ...*; *пакъь писанѡ ѣ...*; *рѣ бѡ ѡдѡ...*; *сйцѣь бѡ и гѣ ншь иѣ хѣ къ жидѡ глше...* При этом цитируемый источник указан лишь однажды (*ѡ бытїи ѡ ревецѣ...*), что, видимо, предполагает знание потенциальным читателем содержания соответствующих библейских источников — Книги Бытия и Евангелия.

Лишь один приложенный к словарной статье комментарий представляет собой не библейскую цитату, а оригинальное пояснение: *рмѧ, ѣ ми, пѡко бо ѣ ѡдѣсь въ члѣцѣ* (л. 126)⁵.

Изложение элементов грамматики и словообразования

Составители рукописного учебника стремились познакомить потенциального читателя с отдельными элементами словообразования (в том числе 6 примеров на словосложение) и грамматики древнееврейского языка, а именно с противопоставлением существительных по роду (5 пар соотносимых лексем), образованием множественного числа (6 примеров) и форм с местоименными суффиксами притяжательного значения (9 случаев).

Противопоставление существительных по роду показано в рукописном учебнике на следующих примерах: *ѡдма, зѣлѧ, ѡдѡ. зѣленѣ* (л. 125); *по ѣврѣскїи ѡулѣ, молѡдѣ, ѡлма молѡцѡ* (л. 125 об.); *брѡ ѡхъ, сѣстра ѡхось* (л. 126 об.); *моужъ йшь, жена йша члѣкъ ѡдѡ; рѣше, земѣнѣ, землѧ, ѡдма* (л. 129–129 об.); *сара, пани, саръ, пѧ* (л. 129 об.), ср. также: *сара пани сѡра пани велиѡ сирѣ, вѣъ бѡшаѡ* (л. 125). Все они демонстрируют образование форм женского рода путем прибавления к соответствующей форме мужского рода гласного окончания *-a* (на письме *-ah* с непроизносимым конечным согласным *ge*): *йшь* ‘муж’ — *йша* ‘жена’; *саръ* ‘господин’ — *сара* ‘госпожа’; *ѡдѡ* ‘человек’ — *ѡдма* ‘земля’, причем иногда присоединение окончания сопровождается значительным изменением исходного вокализма: *ѡулѣ* ‘юноша, молодой человек’ (это слово дано не в древнееврейской, а в арамейской огласовке) — *ѡлма* ‘девушка, девица; молодая женщина; (редко) девственница’. Показан и иной способ формального соотношения существительных, противопоставленных по роду: *ѡхъ* ‘брат’ — *ѡхось* ‘сестра’.

Образование множественного числа. В явном виде формы единственного и множественного числа противопоставлены в двух местах рукописного учебника: *мпи, ѣмъ, маперина мапи, ймагосъ, ѡцъ, ѡвъ, ѡцѡвѣ ѡцъ ѡавосъ* (л. 126 об.); *река, нагаръ, рекъь нгарѡ, потѡ, нахѡ, йли маѡ, потокъь, нахлѣ* (л. 129 об.). В первой серии примеров

наблюдается явное искажение семантики форм множественного числа: **ѡмагосѣ**, означающее ‘матери (мн. ч.)’, ошибочно истолковано как **маперина мапи** ‘бабушка по материнской линии’, а **ѡѡвосѣ** ‘отцы’ — соответственно как **ѡѡвоѡѣ ѡѡѡѣ** ‘дед по отцовской линии’. Эту грубую ошибку следует признать вторичным искажением первоначальных толкований, в которых идея множественности, по всей видимости, была передана необычным для славянской традиции способом, а именно посредством редупликации формы единственного числа — соответственно ***мапи мапи** (позже → **маперина мапи**) и ***ѡѡѡѣ ѡѡѡѣ** (позже → **ѡѡвоѡѣ ѡѡѡѣ**), причем позднейшие “исправления” принадлежат славянскому переписчику, не владевшему древнееврейским языком.

Иногда формы единственного и множественного числа приведены в разных местах словарика: **малахѣ по грѣкоѡ ѡнгѣлѣ по роусѣиѡ посолѣ** (л. 126 об.) и **малахѡимѣ, ѡнгѣли, сирѣ послѣ** (л. 129 об.); **ѣлѣ, бѣжѡиѡ** (л. 125), **ѡлѣ, бѣгѣ** (л. 126 об.) и **ѣлогѡимѣ, божѡиѡ** (там же), ср. также **ѡманѡѡѡѣлѣ, ѣ ѣ сѣ нами бѣгѣ** (л. 125 об.), **гѡвѣриѣ, мѡѡѡѣѣ, бѣжиѣ** (л. 126 об.), **важомѣ лѡ ѡковѣ, ѣѡмерѣ ѡдѣ шѡѡѣ, ки ѡѣ, ѡсраѣлѣ; пѡ ѡ рѣ, не ѡковѣ бѡѡдѣлѣ рѣнѡ ѣще ѡмѡ твоѣ, нѡ пѡдѡ мѡѡѡѣ бѣгѣ** (л. 128 об.), **ки сарисѡ ѡмѣ ѣлогѡимѣ; пѡ, ѡ възмоглѣ ѣси сѣ богѡмѣ; ѡнѡиѡ пѡ, ѡбо бѡрѡ сѡ ѣси сѣ богѡѡ** (там же), **ки сарисѡ ѡмѣ ѣлогѡѡ, [на полях: пѡ] ѡ възмоглѣ ѣсиѡ братѡиѡ сѣ бѣгѡѡ** (там же), **ѣсраѣѣ, бѡѡѡѡѡѡ бѣжѡиѡ ѡли тако сѣѡѡѡѡѡѡ сѣ ѡнгѣлѡѡ бѣжѡѡимѣ** (л. 129 об.).

Таким образом, в рукописном учебнике в явном виде продемонстрированы окончания множественного числа как мужского рода (**малахѡимѣ**), так и женского (**ѡмагосѣ, нгарѡѡѡѡ**), причем заметно, что иногда эти окончания не соответствуют роду той основы, к которой присоединяются (**ѡѡвосѣ** ‘отцы’). Показано также образование множественного числа определяемого слова (нисмах) в сопряженном сочетании имен (**наѡлѣѣ**). Внимательный читатель заметит, что слово **ѣлѣ** (ед. ч.)/**ѣлогѡимѣ** (мн. ч.) может переводиться равным образом как существительным **бѣѣ**, так и прилагательным **бѣжѡиѡ** независимо от своей грамматической формы.

Образование древнееврейского двойственного числа в рукописном учебнике не эксплицировано.

Существительные с местоименными суффиксами, имеющими притяжательное значение, представлены в рукописном учебнике тремя видами форм (приводятся в порядке уменьшения степени разработки):

- а) 3 л. ед. ч. муж. р.: **шломѡѡ, солѡмѡѡ, мирѣ ѣ, шалѡѡ, мирѣ** (л. 124 об.); **ѡрѣ грѡѡ, ѡрѡ грѡѡ ѣгѡѡ, шемѣ, ѡма, шмо, ѡма ѣгѡ. макѡѡ, мѣспѡ, мѡмѡ мѣспѡ ѣ** (л. 125 об.);

- б) 2 л. ед. ч. муж. р.: יְמֵחָה, מִפִּי תְּבוֹאָה <...> עֲלֵאדָסְחָה, רִשְׁתֵּינִי
כֹּהֵן; וְעִיחָה. וְשִׁיךְ תְּבוֹי (л. 127) при מִפִּי, עֵמֶךְ <...> וְשִׁיךְ, אֵבֶךְ
(л. 126 об.);
- в) 1 л. ед. ч. עֵלֶךְ בְּעֵזְבְּךָ יָמֵי, כֶּן דֹּמֶשׁ מִפְּרִי מִסֵּיִךְ. יֵעֵלֶךְ חֵדְרְךָ,
גֹּרָסִי; וְיֵ כֶּן כּוֹמֹרֶךְ זִמְתֵּינִיכָא מֵוֹה (л. 127) при מִפִּי, עֵמֶךְ
(л. 126 об.).

Формы последнего ряда (1 л. ед. ч.) не имеют признаков рода и потому могут употребляться лицами как мужского, так и женского пола, однако первые два ряда (2 и 3 л. ед. ч.) содержат лишь формы мужского рода (при отсутствии в рукописном учебнике морфологических соответствий женского рода). Видимо, это отражает содержательные и коммуникативные особенности исследуемого памятника, повествующего мужской аудитории (формы 2 л. ед. ч.) о лицах преимущественно мужского же пола (формы 3 л. ед. ч.).

Для двух суффиксальных образований (עֲלֵאדָסְחָה, גֹּרָסִי) исходные формы в рукописном учебнике не показаны. Читатель может наблюдать значительные изменения вокализма при присоединении местоименного суффикса (в цитируемых примерах — 3 л. ед. ч. муж. р.): שָׁלֵחַ ‘мир’ — שְׁלֹמֹךְ ‘мир его’; שֵׁמֶךְ ‘имя’ — שְׁמוֹ ‘имя его’; מַקְוֵה ‘место’ — מְקוֹמוֹ ‘место его’.

Словообразование древнееврейского языка представлено в рукописном учебнике, во-первых, рассмотренным выше образованием имен женского рода от соответствующих форм мужского рода и, во-вторых, словосложением: בְּוַבְּלִיָּהּ, בָּרַךְ, יְנוֹ סִיךְ, בְּעִבְרִיָּהּ, יְנוֹ,
יְנוֹ גֹלְבֻבִי; עֵ בְּ גְרִיקִי בָרִיכָה בְּרִיקִי סִיךְ גֹּלְבֻבִי (л. 124 об.–125); דָּא, סֹדֹף, חֵלֶךְ, בְּיָיִךְ; עֵ בֹקֹרֶךְ רֵשִׁי, דָּאֵלֶךְ, סֹדֹף
בְּיָיִךְ (л. 125); מִיכָה, שְׁתֹּלֶךְ, יֵלֶךְ, בְּגֵךְ, בְּ גְרִיקֶךְ מִיחָה, רֵשִׁי שְׁתֹּלֶךְ בְּ (л. 126 об.), но иногда составные части сложных слов приведены в разных местах словарика: סָרַךְ, פָּא, עֲסָרָה, בֹּאֲרִי בְּיָיִךְ יְלִי תַכֹּ כֵּן בֹּאֲרִי סֵךְ אֲנִיִּךְ
בְּיָיִךְ (л. 129 об.) при דָּא, סֹדֹף, חֵלֶךְ, בְּיָיִךְ; עֵ בֹקֹרֶךְ רֵשִׁי, דָּאֵלֶךְ, סֹדֹף
בְּיָיִךְ (л. 125), מִיכָה, שְׁתֹּלֶךְ, יֵלֶךְ, בְּגֵךְ, בְּ גְרִיקֶךְ מִיחָה, רֵשִׁי שְׁתֹּלֶךְ
בְּ (л. 126 об.), בַּזְמַן לִי יַכֹּכֶךְ, חָמֶרֶךְ וְדֵךְ שִׁיחָה, כִּי יֵךְ, יִסְרָאֵלֶךְ;
כֹּה יֵךְ, נֵךְ יַכֹּכֶךְ בֹּדֵךְ רֵשִׁי עֵשֶׁךְ יְמֵךְ תְּבוֹהֶךְ, כֹּה תְּבוֹהֶךְ מִבְּרֵךְ
(л. 128 об.), а также יְמָנוּעִיִּךְ, עֵ עֵ כֵּן נָאִיךְ בְּ (л. 125 об.), גַּבְרִיעֵל,
מִוֶּסֶךְ בְּיָיִךְ (л. 126 об.), где приводимые в рукописном учебнике данные позволяют объяснить лишь вторую (но не первую) часть древнееврейских сложных слов.

Примечательно, что кириллический учебник содержит композит, составные части которого якобы принадлежат разным языкам — арамейскому и древнееврейскому: בְּוַבְּלִיָּהּ, בָּרַךְ, יְנוֹ סִיךְ, בְּ

Ѡврейскій, юна, йно голубъ; Ѡ по грѣческій вариѠна по рѣукіи снѣ голуби (л. 124 об.–125), хотя в действительности все это словосложение является арамейским (его вторая часть со значением ‘голубь’ звучит тождественно с соответствующей древнееврейской лексемой). Демонстрируемая здесь возможность соединения в одном композите арамейского слова с “древнееврейским” позволяет думать, что составители рукописного учебника считали указанные языки стилистическими разновидностями единой лингвистической системы — подобной той, которая, по их же мнению, объединяла в себе церковнославянскую и руськомовную стихии [Темчин 2013].

Всего в кириллическом учебнике представлено шесть составных семитских слов, но два из них объяснены не полностью, а лишь во второй своей части — **ѠманѠйлѣ, Ѡ Ѡ с нами бгѣ** (л. 125 об.); **гѣбриѠ, мѠѡскѣ, бжїѠ** (л. 126 об.) при **ѣлѣ, бжїи** (л. 125); **йлѣ, бгѣ** (л. 126 об.), тогда как их первые компоненты **ѠманѠ-**, **гѣбри-** в качестве отдельных слов (словоформ) не показаны. Толкование имени **ѠманѠйлѣ** содержится в евангельской цитате (Мф 1.23).

Иногда изложение элементов грамматики древнееврейского языка в рукописном учебнике оказывается комбинированным: **сара, пани, сарѣ, пѣ, ѠсраѠ, боѠри бжїи йли тако сѣбоѠри сѣ ѠнглѠ бжїйлѣ** (л. 129 об.), где одновременно показано противопоставление имен по роду и словосложение.

Группировка словарного материала

Общая структура и логика изложения словарного материала в рукописном учебнике не вполне прозрачны, но иногда толкуемые слова приводятся группами (друг за другом, реже в относительной близости), члены которых связаны между собой определенными парадигматическими отношениями. Таким образом излагаются: а) синонимы (трижды); б) антонимы (восемь пар лексем); г) тематические группы слов (двенадцать групп).

Синонимичность толкуемых древнееврейских лексем продемонстрирована дважды: **попѣ, наѡѣ, йли маѡѣ** (л. 129 об.); **ѠдѠ, римѣ, сѠирѣ, римѣ** (там же). Первый пример демонстрирует языковую синонимию, а второй подразумевает символическую (культурно обусловленную) синонимичность имен собственных: Едом (прозвище Исава, родоначальника идумеев и, соответственно, название самой Идумеи) и Сеир (гористая местность на юге Палестины), которые в рукописном учебнике одинаково “переводятся” как ‘Рим’. Оба имени обозначают место обитания Исава и одновременно выступают в ветхозаветных сти-

хах Быт 32.3, 36.8, 21; Чис 24.18; Суд 5.4; Иез 35.15; рукописный учебник содержит первый из них в русскоязычном изложении (л. 127 об.).

К синонимам следует причислить также формы **ймѣха, мѣи твоѡ** <...> **Ѣладасѣха, рѣтѣница ѡѡ** (л. 127), расположенные в относительной близости друг от друга.

Антонимы представлены следующими толкованиями: **равѣ, ѡучѣль велѡи, лѣдѣ, ѡучѣникѣ** (л. 125); **мицраѡи, ѣгипетѣ; пѡкъетѣ сѡ тѡуга, ѡи глѣ; ѡбилѣе, пожитѡ всѣ добѣра зѣнѣ плодѣ** (л. 125–125 об.). Первый пример демонстрирует языковую антонимию, а во втором речь идет об антонимичности толкования древнееврейского названия Египта (Мицраим) и др.-евр. **רצוץ** ‘хороший урожай; сытость; обилие’, которое в рукописном учебнике оказалось пропущенным (видимо, случайно — в результате последующей переписки) при сохранении толкования **ѡбилѣе, пожитѡ всѣ добѣра зѣнѣ плодѣ**. Это слово сочетается с названием Египта в Быт 41.29–30, 34, 53.

К антонимам можно отнести также пары слов, рассмотренные в предыдущем разделе: соотносимые по роду существительные, а также **мѣи, ѣмѣ** <...> **ѡѡѣ, ѡвѣ** (л. 126 об.); **ймѣха, мѣи твоѡ** <...> **ѡвѣха. ѡѡѣ твоѡ** (л. 127).

Тематические группы рукописного учебника подразделяются на:

- а) двучленные (в частности, супружеские пары): **ѡвѣрагѣ, ѡѡѣ мнѡсѣка, сара пани**, причем последнее имя с вариантом **сѣра пани велиѡи сирѣ, всѣ бѡшѡѡ** (родители Исаака, л. 125); **йѡѡкимѣ, поспѡвѣленѣе, ханѣна, помилѡванѣе** (родители Девы Марии, там же); **ѡковѣ, лестѣ, ѡи, пѡта, ѡсѡвѣ, рѣше, волѡсѣ** (сыновья Исаака, л. 129 об.);
- б) многочленные: пара **фараѡ, прѡжѣтѣнѣ, мицраѡи, ѣгипетѣ; пѡкъетѣ сѡ тѡуга, ѡи глѣ; ѡбилѣе, пожитѡ всѣ добѣра зѣнѣ плодѣ** <...> **по ѣвѣрейскѡи, каѡѣторѣ; рѣше, на врѣхѡу лѣстѡвиѡѡи всѣходѣѣ прѣ двѣрѣми стѣнѣнѡи** (египетские реалии, л. 125–125 об.); **ѡдамѡ сѣнѣ, шепѣ. по грѣкѡи сѡ, по рѡѡкѡи полѡнѣе, рѣ бѡ ѡдѣ, положи ми бѣ сѣмѣ, вѣ мѣсто гевѣла, ѣѡ ѡѡби кѡнѣнѣ, сѣи гевѣ по грѣкѡ ѡвѣль сѣказѣтѣ сѡ, гевѣ, лѣшѡи; ѡ кѡнѣнѣ, коупенѣ** (сыновья Адама, л. 126); **микѣ, ѡполѣ, ѡлѣ, бѣгѣ, по грѣкѡ михайѣ, рѣше ѡполѣ бѣ мѡлахѣ по грѣкѡ ѡнѣглѣ по рѡѡскѡи посѡлѣ** <...> **гѡбѣриѣ, мѡѡсѣ, бѣжѣе** (бесплотные силы, л. 126 об.); **питѣе пѣѡнѡе, шехарѣ, ѡинѣ, винѡ, мѣдѣ, двѡшѣ** (алкогольные напитки, там же); **мѡргѣрамѣ, ѡ смѡкѣѡ ѡгода, нердѣ, шѡѡрѡнѣ** (пряности, там же); **мѣи, ѣмѣ, мѡтерѣна мѡпи, ѡмѡгѡсѣ, ѡѡѣ, ѡвѣ, ѡѡѡѡѣ ѡѡѣ ѡѡѡѡѣ, бѣра**

Кириллическая транскрипция древнееврейских цитат некоторых библейских книг отражает региональное произношение, совмещающее в себе черты двух — сефардской (особенно в отношении гласных) и, возможно, ашкеназской — региональных традиций и может быть предположительно охарактеризовано как провансальское [Temchin 2013]. При этом тот же (с небольшими вариациями) тип произношения древнееврейского текста наблюдается в Виленском ветхозаветном своде, что дополнительно подтверждает взаимосвязь этих двух памятников письменности, а также выявленную ранее приверженность их предполагаемого автора — киевского ученого иудея Захарии бен Аарона га-Кохена — еврейско-провансальской ученой традиции [Темчин 2006, 306–308].

Параллельный перевод на руську мову

Большинство библейских цитат, выписанных на древнееврейском языке кириллицей, сопровождаются в рукописном учебнике параллельным переводом на руську мову (Быт 2.8, 32.27–28; Песн 3.4 (либо 8.2), 8.5; Ис 11.12). Этот перевод, по крайней мере в некоторых случаях, не выполнялся специально для рукописного учебника древнееврейского языка. Как показывают цитаты из Песни песней, он заимствовался в готовом виде из руськомовной версии масоретского Священного Писания, переведенной непосредственно с древнееврейского языка и частично сохранившейся в составе Виленского ветхозаветного свода [Темчин 2011; 2012b].

При параллельной подаче текста в оригинальном древнееврейском звучании (кириллицей) и переводе на руську мову цитируемый текст разбивается на небольшие фрагменты, каждый из которых тут же сопровождается руськомовным переводом. Этот способ сегментированного изложения текстового материала призван облегчить его восприятие людьми, не владеющими древнееврейским языком, например:

Пес 3.4 (либо 8.2) и 8.5: *шамġ, тамо, хиб'ласха, болела, побобо; ймѣха, мѣпи твоѣа, шама хиб'ла, тамо б'слѣла, ѣладас'ха, р'ѡтѣница ѳоа <...> ѣль без'съ ими, къ домѣ мѣпри моѣа. йѣль хед'рѣ, гораси; й къ коморѣ заѣпеница моѣа* (л. 127);

Ис 11.12: *вѣсана, подоимѣ, или възмѣтъ; несъ лагоймѣ, знамѣ въ ѣзыкѣ* (л. 129).

Тот же метод изложения иноязычного текстового материала применен в кириллическом конволютном сборнике XV–XVII веков, происходящем с земель ВКЛ (Москва, Государственный исторический музей, Синодальное собр. (ф. 80370), № 558): в его части, относящейся к по-

следней четверти XV века, на лл. 59–60 выписана кириллическая транскрипция латинских текстов (Молитва Господня, Молитва Богородице и Апостольский символ веры), разбитых на небольшие сегменты, каждый из которых сопровождается переводом на руську мову [Верхоланцева 2009, 85–86; 2010, 76–78].

Эта особенность передачи латинского текста получила следующее объяснение: “Запись в сборнике Син. 558 вряд ли является первоначальной и, скорее всего, была списана с модели, в которой расположение текстов было более понятным и легко воспринимаемым, т.е. латинский и «руський» тексты были записаны в отдельные столбцы. Первым, очевидно, был записан латинский текст молитв, затем к нему сбоку параллельно был приписан «руський» перевод. Впоследствии переписчик написал эти два столбца в одну строку, поэтому в дошедшей до нас записи латинский и «руський» тексты чередуются, соблюдая деление на строки оригинала, а не на смысловые фразы. Не исключено, что первоначальная запись даже сохраняла латинский текст в записи латинскими буквами, и поэтому интерполированные «руськие» глоссы достаточно ясно выделялись. В дошедшем до нас варианте латинские молитвы уже переписаны кириллицей, очевидно, для нужд тех, кто не владел латинской грамотой” [Верхоланцева 2010, 78].

Использование того же способа изложения иноязычного текста (сегментированная кириллическая транскрипция с параллельным руськомовным переводом) в рукописном учебнике древнееврейского языка, сохранившемся в списке третьей четверти XVI века, но созданном предположительно во второй половине XV века, делают высказанные предположения не слишком вероятными. Видимо, в обоих случаях иноязычный текст сразу же записывался кириллицей в расчете на людей, не владеющих соответствующим письмом, а двуязычный текст уже изначально выписывался не в две колонки, а в строку, где небольшие сегменты иноязычного текста чередовались с их руськомовным переводом. Именно в таком исходном виде и дошли до нас (в более поздних списках) оба памятника, созданные в ВКЛ примерно одно и то же время и посвященные соответственно латинской и древнееврейской языковой и религиозной традиции.

Активизация материала

Составители рукописного учебника, безусловно, понимали, что излагаемый семитский языковой материал будет представлять для обычного восточнославянского читателя определенную трудность, и потому стре-

мились облегчить его восприятие. После аналитического, поэлементного представления сложного либо составного древнееврейского имени, когда каждая его часть получала отдельное толкование, читателю предлагалось осуществить обратный процесс — синтез уже усвоенных элементов в единое целое. В этом методическом приеме можно усмотреть попытку активизации пассивно усвоенного языкового материала.

В начале рукописного учебника данный педагогический прием применяется при толковании сложных имен: **БИНЪ НОУНЪ СНЪ НОУНОВЪ; Ё* СКАЗАОМЪ ВЪКОУПЪ; ІСЪ СНЪ НАВЕИИНЪ** (л. 124 об.); **ДА, СОУ, КЛЪ, БЖИИ; Ё* ОУКОУПЪ РЕЩИ, ДАКЛ, СОУ БЖИИ** (л. 125). Второй пример прозрачен и не требует комментария, а в первом после призыва синтезировать уже известные элементы (**Ё* СКАЗАОМЪ ВЪКОУПЪ**) представлен синтез не древнееврейского материала, как следовало бы ожидать, а лишь славянского, который для целевой аудитории рукописного учебника не представлял никакой сложности ввиду своей общеизвестности. Следует предположить, что в данном месте памятника исходный текст содержал синтез именно семитского материала (что-то типа ***ЙГОШОУ БИНЪ НОУНЪ**), после чего давался его славянский перевод (**ІСЪ СНЪ НАВЕИИНЪ**), как это сделано во фрагменте библейского стиха Быт 2.8 (о нем ниже). При последующей переписке древнееврейское синтетическое выражение было утрачено, а его славянский перевод остался. В дошедшем до нас списке памятника есть и иные случаи вторичной утраты семитского материала при сохранении его русскоязычного перевода. Примечательно, что в только что разобранным примере толкуется не все сложное имя, а лишь вторая часть (Навин), тогда как толкование первой его части (Иисус) дано в рукописном учебнике несколько ниже: **ПО ЄВРЕЙСКИИ; ЙГОШОУ МЕШИИ. ПО ИНИИ ЖЕ ЄВРЕЕ ПОНА ЗАКО ИУСОУ МЕСИИ, ПО ГРЕКО ЖЕ ЙСОУ ХС, ПО РОУКИИ, СПИПЕ ПОМАЗАНИКИ** (л. 126).

После применения описанного выше приема (синтезирования) к сложным и составным именам читателю предлагается применить его к библейскому тексту — сначала к небольшому сегменту, состоящему всего из трех знаменательных слов (Быт 2.8), а затем к гораздо более пространному фрагменту (Быт 32.27–28):

Быт 2.8: **ГАНЪ, УГОРЪ, ЙЕДЕНЪ КОХА РЕШЕ, ПИЧА, КЕДЕМЪ СЪ ВОСПОКА, Ё* ОУКОУПЪ РЕ, ГА ЕДЕНЪ КЕДЕ РЕШЕ, УГОРЪ ПИЧА НА ВЪСПОУКЪ** (л. 126);

Быт 32.27–28 (28–29): **ПО ЄВРЕЙСКИИ, ВАЖОМЕ ЕЛАВЪ, МА ШМЪХА. ПЪ, Й РЕКЛА ЕМОУ, КАКЪ ИМА ТОВЪ, ВАЖОМЕ ІАКОВЪ, ПЪ, Й РЕ ІАКОВЪ; ВАЖОМЕ АС ІАКОВЪ, КАМЕРЪ УДЪ ШИХА, КИ ЙЪ, ЙСАЕЛЬ; ПЪ Й РЕ, НЕ ІАКОВЪ БУДЕТЬ РЕНО ЕЩЕ ИМА ТВОЕ, НО ПДОМО МОУЖЕ БГЪ; КИ САРИСА ИМА ЕЛУГИМЪ; ПЪ, Й ВЪЗМОГЛА ЕСИ СЪ БОГОМЪ; ИНИ ПЪ, ЙБО БСОРО СА ЕСИ СЪ БОГО, ВЫИМА, АНАШИ, ВАПОУХАЛЪ**

пѣ. на пѣ мѡужовѣ ѡзможешѣ; ки сарисѣ ѡмѣ ѣлогѣ, [на полях: пѣ] ѡ
вѣмоглѣ ѣси братѣ съ бѣгѣ, по ѣврѣйскѣй вѣкоупѣ пѣ рещи; важомѣръ,
ѣлавѣ, мамѣха, важомѣръ ѡковѣ, важомѣ ло ѡковѣ, тамѣ ѡдѣ шѣха, кѣ ѡмѣ,
ѡсраѣлѣ, ки сарисѣ, ѡмѣ ѣлогѣ, вѣимѣ, ѡнашимѣ, вѣпѡухѣль (л. 128–128 об.).

Во втором случае после вторичного (синтетического) изложения древнееврейского текста его славянский перевод уже не повторяется — видимо, для того, чтобы не перегружать изложение.

Выводы

Проведенный разбор кириллического рукописного учебника древнееврейского языка и его учебно-методических приемов показал, что этот памятник письменности по своему содержанию и структуре далек от тех двуязычных словариков, которые известны в восточнославянской письменности XV–XVI вв. (и более раннего времени). Его можно охарактеризовать как учебно-методическое пособие, рассчитанное на православную славянскую аудиторию, не владеющую древнееврейским языком. Его основу составляет двуязычный древнееврейско-руськомовный толковый (с элементами тематического и этимологического) словарь, раскрывающий полисемию и внутреннюю форму толкуемых слов. К нему приложены образцы древнееврейских библейских текстов в кириллической транскрипции с переводом на руську мову, а также основанный на Библии текстовой комментарий и изложение отдельных элементов грамматики и словообразования древнееврейского языка.

Этот рукописный учебник значительно превосходит иные восточнославянские двуязычные справочные материалы и не имеет близких аналогий в восточнославянской книжности XV–XVI вв., хотя его отдельные особенности (разбивка связного иноязычного текста на синтагмы, каждая из которых сопровождается руськомовным переводом) встречаются в кириллической письменности Великого княжества Литовского того же времени. Данное обстоятельство позволяет предполагать, что методическая сторона рассматриваемого памятника письменности, созданного совместными усилиями православных и иудейских книжников, является одним из результатов еврейского вклада в его создание.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. подробный анализ этого толкования [Темчин 2012с].

² Цитируется по изданию [БК, 139].

³ Подробнее см. [Темчин 2012а, 168–169].

⁴ Ср. также: “*Kohélet* — слово нигде больше не зафиксированное. По форме — это причастие глагола *kahal* ‘собирать, созывать’ и обычно толкуется как ‘ведущий собрание, ораторствующий перед публикой’ или ‘проповедующий в собрании, поучающий народ’. Под ‘собранием’ разумеется сходка полноправных граждан, т.е., в расширительном значении, весь еврейский народ. С такой интерпретацией связаны две трудности. Во-первых, глагол *kahal* в своей исходной форме не существует, а в каузативном значении ‘собирать, созывать’ используется лишь порода ‘хифиль’. Получается, что *kohélet* — причастие от несуществующего глагола. Впрочем, в поэтическом языке — а мы имеем дело с поэтической книгой — такое возможно. Во-вторых, *kohélet* — причастие женского рода, что явно не соответствует полу автора. Но если вспомнить, что абстрактные понятия в древнееврейском, как правило, женского рода, *kohélet* можно истолковать как *поучающая премудрость*” [Юнц 1991, 152].

⁵ Подробнее см. [Темчин 2012а, 169].

⁶ См. обсуждение этого вопроса [Темчин 2012b].

СОКРАЩЕННЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

БК = Одэн Т.К., Лаут Э., Конти М., Гаврилкин К.К. (ред.), *Библейские комментарии отцов Церкви и других авторов I–VIII веков. Ветхий Завет*, т. 1: Книга Бытия 1–11. Тверь, 2004.

КБК = *Классические библейские комментарии. Книга Бытия*: Сборник переводов с древнееврейского, арамейского и средневекового иврита. Москва, 2010.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев А.А. (ред.), 1998: *Евангелие от Иоанна в славянской традиции*. Санкт-Петербург (Novum Testamentum Palaeoslovenice, I).

Верхоланцева Ю.В., 2009: Чешские и хорватские глаголяши-бенедиктинцы среди православных Литвы и Польши и латинские тексты, записанные кириллицей, in Temčinas S. et al. (ed.), *Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės kalbos, kultūros ir raštijos tradicijos*. Vilnius (Bibliotheca Archivi Lithuanici, vol. 7), 81–95.

Верхоланцева Ю.В., 2010: Кириллическая запись латинских молитв и отрывка чина мессы из рукописи Синодального собрания ГИМ № 558, in *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, № 2 (40), 74–90.

Переферкович Н., 1902: *Талмуд. Мишна и Тосефта*, т. 1 (кн. 1–2), издание второе, пересмотренное. Санкт-Петербург.

Таубе М., 2010: Ересь “жидовствующих” и переводы с еврейского в средневековой Руси, in Барталь И. (ред.), *История еврейского народа в России*, т. 1: Кулик А. (ред.), От древности до раннего Нового времени. Иерусалим–Москва, 367–397.

- Темчин С.Ю., 1994: Несклоняемые формы имени Иисус в церковнославянских списках Евангелия XI–XIV вв., in Koroļova J., Kuzņecovs A. (eds.), *Valoda: teorija, vēsture, metodika*. Daugavpils, 57–62.
- Темчин С.Ю., 2006: Схария и Скорина: Об источниках Виленского ветхозаветного свода (F 19–262), *Senoji Lietuvos literatūra*, kn. 21. Vilnius, 289–316. Обновленная английская версия: Temchin S.Y., Skhariya and Skogyna: On the Sources of Vilnius Old Testament Florilegium (F 19–262), in *Pinkas: Annual of the Culture and History of East European Jewry*, vol. 2. Vilnius, 2008, 9–33.
- Темчин С.Ю., 2011: Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.) и Виленский ветхозаветный свод, *Knųgotyra*, t. 57. Vilnius, 86–99.
- Темчин С.Ю., 2012а: Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (XVI в.): публикация и общая характеристика памятника, in Meiliūnaitė V., Morozova N. (eds.), *Naujausi kalbų ir kultūrų tyrimai*. Vilnius (Kalbų ir kultūrų sankirtų archyvai, kn. 4), 137–180.
- Темчин С.Ю., 2012b: Пели ли православные восточные славяне XV–XVI веков псалмы по-древнееврейски, in Pawluczuk U. (ed.), *Język naszej modlitwy — dawniej i dziś*. Białystok (Latomisy Akademii Supraskiej, vol. 3), 19–26.
- Темчин С.Ю., 2012с: Толкование др.-евр. ‘*almāh* в рукописном кириллическом учебнике древнееврейского языка (по списку XVI в.), in Мажэйка М.А. (ред.), *Беларуская кніга ў кантэксте сусветнай кніжнай культуры: вывучэнне і захаванне: зборнік навуковых артыкулаў, [вып. 4]. Мінск (XVIII Міжнародныя Кірыла-Мяфодзіеўскія чытанні, прысвечаныя Дням славянскага пісьменства і культуры “Кніга ў фарміраванні духоўнай культуры і дзяржаўнасці беларускага народа” (Мінск, 16–18 мая 2012 г.). У 2 т. Т. 2), 64–73.*
- Темчин С.Ю., 2013: *Кириллический рукописный учебник древнееврейского языка (список XVI в.): языковая компетенция составителей и этнические обозначения (в печати).*
- Фасмер М., 1986–1987: *Этимологический словарь русского языка*, издание второе, стереотипное, т. 1–4. Москва.
- Юнц Э.Г., 1991: Книга Екклесиаста, *Вопросы философии*, № 8, 139–154.
- Gesenius W., 1906: *A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix containing the Biblical Aramaic*. Boston etc.
- Moszyński L., 1963: O staro-cerkiewno-słowiańskiej postaci imienia Ἰησοῦς, in Milewski T. et al. (ed.), *Studia linguistica in honorem Thaddaei Lehr-Splawiński*. Warszawa, 191–198.
- Taube M., 2005: The Fifteenth-Century Ruthenian Translations from Hebrew and the Heresy of the Judaizers: Is There a Connection?, in Ivanov V.V., Verkholantsev J. (eds.), *Speculum Slaviae Orientalis: Muscovy, Ruthenia and Lithuania in the Late Middle Ages*. Moscow (University of California, Los Angeles. UCLA Slavic Studies, New Series, vol. 4), 185–208.
- Temchin S.Y., 2013: Learning Hebrew in the Grand Duchy of Lithuania: An Evidence from a 16th-Century Cyrillic Manuscript (forthcoming).

SERGEI TEMCHIN

Cyrillic 16th-century manuscript “Manual of Hebrew” and its teaching methods

A concise Manual of Hebrew, recently discovered in a Cyrillic manuscript miscellany of the 3rd quarter of the 16th century (Moscow, the Russian State Archive of Early Acts, F. Mazurin collection (f. 196), inventory 1, No 616, f. 124–130) is very important for the history of the Ruthenian written culture in the Grand Duchy of Lithuania. The Manual of Hebrew comprises material of three different kinds: a) some excerpts from the original Hebrew Old Testament text (Ge 2.8, 32.27–28; Ps 150; So 3.4 (or 8.2), 8.5; Is 11.12) written in Cyrillic characters; b) a bilingual Hebrew–Ruthenian vocabulary with explanatory notes; c) small quotations from the Ruthenian text of three Old Testament books (Genesis, Isaiah, Song of Songs).

The meta-language used in the Manual of Hebrew is Ruthenian. The translations present in the Manual had been made directly from Hebrew. A comparison of the quotations from the Song of Songs found in the Manual and all the known Cyrillic and Glagolitic versions of this book (referring to both the manuscript and the printed sources of different periods) reveals their principal coincidence with the Ruthenian translation found in the Vilnius Old Testament Florilegium (Vilnius, Wróblewskie Library of the Lithuanian Academy of Sciences, F 19–262). The originals of the two manuscripts probably originated in the 2nd half of the 15th century in the circle of the learned Kievan Jew Zachariah ben Aaron ha-Kohen who is also known as Skhariya, the initiator of the Novgorod movement of the Judaizers (1471–1504).

The Cyrillic Manual of Hebrew is a clear evidence of this language being taught/learned in the Grand Duchy of Lithuania during the late 15th–early 16th century. The learning material and its presentation methods reveal a quite elaborate (although inconsistently implemented) pedagogical approach which puts the Manual aside from the rest of early East Slavic glossaries of the same or earlier date. Thus, the Manual presents, among other features: a) a number of original Hebrew texts written in Cyrillic, divided into small portions (each with a Ruthenian translation) which are then put together to form a continuous text; b) certain trilingual glossary entries where Hebrew, “Greek” (in reality Slavic borrowings from Greek) and Slavic words are juxtaposed, while in other cases double translations in two different Slavic languages (Ruthenian and Old Church Slavonic) are given; c) some long elaborated definitions, sometimes containing synonymous variants or alternative translations; d) information about the sources of variant Hebrew forms or their meanings; e) information on certain grammatical (gender, plural, possessive) forms and word formation (compounds), etc.

It is beyond doubt that the Cyrillic manuscript “Manual of Hebrew” is a result of joint efforts of Jewish and East Slavic bookmen, but the relatively high level of pedagogical and linguistic sophistication of the joint result is to be ascribed to the Jewish compilers of the Manual rather than to their East Slavic co-authors.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

А. А. ТУРИЛОВ

МЕЖСЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

И

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН

ЭТЮДЫ И ХАРАКТЕРИСТИКИ

